
Мои замѣтки и воспоминанія.

(Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго).

(Продолженіе ¹⁾).

О себѣ самомъ.

Перехожу къ воспоминаніямъ лично о себѣ въ Академіи. Въ высшемъ отдѣленіи Академіи я былъ старшимъ сначала во 2-мъ, а потомъ, до самаго окончанія курса, въ 6-мъ №. Во 2-мъ № я жилъ недолго, а со мною—бывшій въ младшемъ отдѣленіи И. А. Янышевъ, нынѣ протопресвитеръ придворный. Въ 6-мъ № между прочимъ подъ моимъ старшинствомъ находились Рудаковъ (впослѣдствіи протоіерей-писатель) и Г. М. Кикодзе (съ 1859 епископъ Имеретинскій Гавріиль). Это одинъ изъ способнѣйшихъ грузинъ-студентовъ, которые вообще отличались тупостію, даровитый и умный, хотя со странностями. Помощникомъ у меня былъ тоже изъ младшаго курса Н. А. Сергіевскій, послѣ протопресвитеръ Московскаго Успенскаго собора. № нашъ былъ на второмъ этажѣ, очень удобный, свѣтлый. Всѣ студенты держали себя прекрасно, и пріятно было отмѣчать ихъ съ отличной стороны въ мѣсячной вѣдомости. Занимались всѣ, за исключеніемъ Борисоглѣбскаго (умершаго протоіереемъ въ С.П.Б.) и Иеронима Домскаго, вѣчно что-то насвистывающаго и подпрыгивающаго (нынѣ Епископъ Іаковъ Якутскій). Со мной же жилъ и подвизался А. И. Поповицкій, извѣстный послѣ издатель Ц. О. Вѣстника и Русскаго Паломника. Время приближалось къ концу курса, и разныя думы роились въ душѣ. Прежде мною сказано, что въ философскомъ классѣ еще, по случаю сильной болѣзни и скорого выздо-

¹⁾ См. „В. В.“, 1913 г., сентябрь.

рвления, даль я обѣтъ—быть монахомъ. Въ Академіи, признаться, я и забылъ о немъ, и мечталъ о семейной жизни. Вдругъ какъ-то неожиданно мысль моя обратилась на прошедшее, и ясно представился мнѣ данный обѣтъ; я смутился и задумался. Какъ быть? Пишу бывшему своему ректору, тогда Викарію Варшавскому, Елпидифору вопросъ: можно ли замѣнить обѣтъ монашества какимъ-либо другимъ? Отвѣтъ получили: „пожалуй, можно; но я знаю несчастные примѣры неисполненія обѣтовъ *данныхъ*; и—потому совѣтую тебѣ исполненіемъ его не медлить, если не хочешь навлечь на себя гнѣвъ Божій. Послѣ можешь еще раздумать, ступай въ монашество теперь же“. Отвѣтъ этотъ рѣшилъ мое намѣреніе; а я все медлилъ, хотя о. инспекторъ Академіи уже предлагалъ мнѣ монашество, не зная объ обѣтѣ; а я просилъ о времени подумать. На масляницѣ (1847 г.) я, ни разу не болѣвши въ Академіи, неожиданно отъ задержанія урины сильно заболѣлъ воспаленіемъ мочевого пузыря, и не явился докторъ Беневоленскій во время въ академическую больницу, едва ли бы и остался живъ. По крайней мѣрѣ докторъ сказалъ: „Опоздай я еще пять минутъ, вамъ бы капугъ“. Скоро я оправился и первую недѣлю великаго поста говѣлъ (нося бандажъ). А я все еще медлилъ прошеніемъ о монашествѣ. На третьей недѣлѣ поста, подь вторникъ ночью, я вижу сонъ, какъ наяву: является мнѣ уже умершій тогда Архіепископъ Воронежскій Антоній, и надѣваетъ на меня клобукъ. Я проснулся въ испугѣ, и такъ крикнулъ, что пробудились спящіе студенты въ спальнѣ нашего 6-го №. „Что съ Вами Иванъ Алексѣевичъ?“ спросилъ, кажется Ширскій, товарищъ. „Ничего, такъ себѣ“, сказалъ я. Вѣроятно помнятъ это еще многіе. На другой же день въ среду третьей недѣли великаго поста я и понесъ вечеромъ прошеніе о. Маркарію о постриженіи въ монашество. Выходитъ онъ, я объясняюсь. „Очень радъ, и представьте себѣ, говоритъ, сейчасъ я, отыскивая текстъ для проповѣди, остановился на словахъ: *Скажи ми, Господи, путь, въ оныже пойду*. Самъ Богъ ведетъ Васъ къ иночеству“. Впрочемъ я не говорилъ о. Инспектору о явленіи мнѣ архіепископа Антонія,—не распространялся и объ обѣтѣ. Студенты, скоро узнали о томъ; но никто не подтрунивалъ, ибо ко мнѣ относились все съ любовію и уваженіемъ. Никто не могъ и думать, что я рѣ-

шился на особый путь изъ видовъ студенческихъ, ибо я изъ числа первыхъ студентовъ.

17-го Мая 1847 г. я постриженъ въ монашество ректоромъ Академіи преосвященнымъ Евсеіемъ послѣ всенощной подѣ воскресенья въ Академической церкви; подводили меня къ постригальному аналою архимандриты Макарій и Аввакумъ (цензоръ тогда). Наканунѣ постриженія призывалъ меня къ себѣ преосвященный Евсеій для наставленій, и я высказалъ, что желалъ бы назваться Іеронимомъ. „А что, развѣ просить новорожденное дитя, чтобы дали ему то или другое имя? Я Вамъ самъ дамъ имя“,—а какое, не сказалъ. При постриженіи слышу: „братъ нашъ Леонтіи“ и проч. 23-го Мая и празднованіе Святителю Ростовскому Леонтію, моему патрону. Черезъ недѣлю послѣ постриженъ въ монашество тѣмъ же Евсеіемъ и въ той же академической церкви товарищъ мой Василій Николаевичъ Наумовъ съ именемъ Кирилла. 7-го Іюня въ Соборѣ Лаврскомъ Свято-Троицкомъ преосвященнымъ Евсеіемъ я рукоположенъ въ іеродіакона. Вскорѣ также и Кирилль. И мы фигурировали уже на публичномъ экзаменѣ въ санѣ іеродіаконовъ. Этимъ и закончилась наше академическое житье-бытье. Мы кончили курсъ. Въ іеромонахи насъ посвятили уже во время каникулъ—меня 18 Іюля 1847 г. тотъ же Евсеій, конечно, по порученію Митрополита.

Послѣ экзаменовъ, но еще до конференціи, призывалъ меня какъ-то о. Макарій и сказалъ, чтобы я подготовился къ преподаванію нравственнаго Богословія, потому что имѣется въ виду оставить меня бакалавромъ по этому предмету. Я поблагодарилъ, поклонился и ушелъ. Но проходитъ нѣсколько недѣль, когда уже состоялась и конференція, Макарій опять призываетъ меня къ себѣ (все же онъ, а не ректоръ, такая была его сила, и такая слабость преосвященнаго Евсеія),—и запинаясь, конфузясь какъ бы, объявляетъ мнѣ, что вотъ, по обстоятельствамъ нужно оставить бакалавромъ о. Кирилла. „А вамъ не угодно поступить инспекторомъ въ Воронежскую Семинарію?“ Я отвѣчалъ, что въ Воронежѣ ѣхать молодому монаху, на родину, гдѣ всѣ мои наставники старшіе, конечно,—неудобно. Ну, такъ въ здѣшней С.-Петербургской Семинаріи открывается мѣсто. Сюда я согласенъ, и тутъ же замѣтилъ, что я принялъ монашество не изъ-за карьеры, и

баккалаврства не домогаюсь; сами Вы предложили мнѣ его. Оказалось, что Кирилла поставили на третье мѣсто, тогда какъ онъ во все время выше 17-го не занималъ въ общемъ списокѣ разрядномъ. Меня, который по 4-мъ, если не по 5-ти, предметамъ занималъ первое мѣсто, а въ общемъ ниже третьяго никогда не стоялъ, понизили на пятый №. Такая несправедливость оскорбила всю академическую корпорацію. и особенно студентовъ. Какое же это обстоятельство измѣнило дѣло? Скажу не сплетню,—просьба дяди о Кириллѣ придворнаго протоіерея Наумова и его пріятеля, намѣстника Лавры архимандрита Веніамина, съ которыми близокъ былъ и о. Макаріи. Прибавлю къ этому еще и то, что уже предрѣшено было у о. инспектора Макарія женить своего брата, перешедшаго въ старшій курсъ Академіи, А. Булгакова на сестрѣ Кирилла, родной племянницѣ протоіерея Наумова, что и состоялось послѣ окончанія курса. Братъ о. Макарія окончилъ магистромъ, не стоилъ того, онъ былъ тупъ, вообще. а пошелъ по протекціи быстро, и скончался протоіереемъ Казанскаго Собора. Вотъ что значитъ протекція и у духовныхъ лицъ! Съ о. Кирилломъ, о которомъ еще будетъ рѣчь впереди, мы остались въ хорошихъ отношеніяхъ, однакожь, навсегда.—

Итакъ о. Кириллъ остался въ Академіи баккалавромъ по нравственному богословію, а я поступилъ въ Петербургскую Семинарію помощникомъ ректора по профессорской должности. Вступленіе мое въ службу состоялось вмѣстѣ съ прочими товарищами въ Ноябрь 1847 г. Долго мы ожидали изъ Учебнаго Управленія назначеній. Я вступилъ въ должности 9-го Ноября, и поселился въ зданіи Семинаріи. О. Ректоръ Семинаріи, многоуважаемый архимандритъ Θεогностъ (скончавшійся архіепископомъ Пековскимъ), сводилъ меня къ Митрополиту Антонію за благословеніемъ, а въ классъ не повелъ меня, какъ я ни просилъ его; „Идите сами, Васъ безъ того знаютъ“. И вотъ я самъ и явился въ аудиторію высшаго отдѣленія Семинаріи и, отрекомендовавшись, началъ урокъ. право не помню по какому предмету, кажется по Гомилетикѣ. На обязанности моей лежало преподаваніе Нравственнаго богословія, Сравнительнаго и Гомилетики, хотя часто приходилось за ректора читать и Догматику. Дѣла было очень много: но для молодого монаха это и хорошо. Семинарія

Петербургская называлась тогда образцовой, и туда нѣсколько разъ вызываемы были лучшіе воспитанники изъ западныхъ губерній, и поступая въ классъ Словесности, оканчивали и курсъ. Иные поступали въ Академію, другіе пристраивались въ Петербургъ, и не многіе возвращались по окончаніи Семинарскаго курса во свояси. Такимъ образомъ, цѣль, съ которой учрежденъ вызовъ въ Петербургскую Семинарію, почти не достигалась, — и онъ впоследствии прекращенъ. Изъ воспитанниковъ Могилевской Епархіи учился въ С.-Петербургской Семинаріи Николай Бровковичъ, отсюда перешедшій въ Академію въ 1847 г. Нынѣ онъ архіепископъ Херсонскій.

Трудился я въ Семинаріи съ любовію и усердіемъ, и воспитанники скоро освоились со мною, тѣмъ болѣе, что я почти сразу сдѣлался и помощникомъ инспектора, — и съ своей стороны платили аккуратнымъ приготовленіемъ уроковъ, и во время подачею сочиненій. Впрочемъ, первый курсъ не отличался особенными дарованіями. Въ Академію С.-Петербургскую вышли изъ него Положенскій (нынѣ Еп. Томскій), Преображенскій и другіе не изъ бойкихъ. Слѣдующій за нимъ былъ гораздо даровитѣе.

Семинарію часто посѣщаль А. И. Карасевскій, обрацавшій особенное вниманіе на внѣшность. Въ классѣ любилъ послушать недолго и наставника. Не разъ бывалъ онъ у меня на урокахъ; и смѣшнымъ, по справедливости, казалось, когда высказывалъ свою претензію — учить произношенію проповѣдей. Кстати скажу, что я еще въ то время пріучилъ учениковъ къ экспромптамъ проповѣдническимъ, и съ успѣхомъ. Посѣщаль Семинарію, хотя не часто, графъ Протасовъ, который наводилъ грозу. Онъ внимательно обходилъ вездѣ; на нѣсколько минутъ въ каждомъ классѣ останавливался, и задавалъ какіе-нибудь вопросы.

Митрополитъ Антоній въ мою бытность раза три посѣщаль Семинарію, и съ отеческою любовію относился къ дѣтямъ воспитанникамъ. — Въ классѣ давалъ онъ вопросы практическіе. Впрочемъ, онъ скоро заболѣлъ, и въ 1848 г. не занимался почти никакими дѣлами, и въ этомъ же году скончался. Много толковали о Митрополитѣ Антоніѣ съ самаго времени его назначенія на митрополию, — и естественно было толковать на разные лады. Но осуждать митрополита Анто-

нія за то, что ставили ему въ вину, было бы несправедливо. Вина въ ли онъ, что его поставили на такую высоту, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ такое положеніе, которое стѣснило его дѣятельность? Кто близко всматривался на преобладаніе графа Протасова и его клеветовъ, тотъ не удивлялся унижительному положенію митрополита Антонія. Видимость впрочемъ была казиста, и непосвященный въ тайны синодальнаго тогда управленія, заключилъ бы о великомъ значеніи митрополита. Увы! такого не было. По Синоду у него не было подручныхъ людей. Преосвященные Иліодоръ Курскій и Геденъ Полтавскій, присутствовавшіе оба долго, около 6 лѣтъ, въ Синодѣ—сверхъ обычая, были покорными слугами Протасова; заручившись данными имъ монастырями Бѣлгородскимъ и Лубенскимъ, они безмолвствовали предъ сильными. Что же могъ сдѣлать митрополитъ Антоній, самъ тоже бывшій въ старыхъ связяхъ съ Войцеховичемъ, управлявшимъ канцеляріею Синода? Онъ дѣлалъ, что могъ, по епархіи и по митрополичьему дому. Послѣдній онъ привелъ въ должный порядокъ; епархіа на него не жаловалась, хотя онъ викарія Наанаила слишкомъ избаловалъ. Образование Антоній имѣлъ достаточное, зналъ онъ очень хорошо физіку и новые языки; французскимъ, а польскимъ, особенно, владѣлъ свободно. На экзаменахъ, и въ Академіи и въ Семинаріи, достоинство свое поддерживалъ. Чего же еще? Въ Варшавѣ Антоній оставилъ по себѣ прекрасную память.

Отвлекаясь отъ предмета по теченію мыслей.—продолжаю о Семинаріи. Поступилъ я, какъ сказалъ прежде, на должность при ректорѣ архимандритѣ Теоностѣ. Это былъ человекъ умный, прямой, не искательный. Любилъ онъ кабинетныя занятія, и мало выходилъ, развѣ по нуждѣ, изъ своихъ келій; и въ классы онъ рѣдко заглядывалъ, и при всемъ томъ пользовался любовію и уваженіемъ. Причиной нѣкоторой нелюбимости его была болѣзнь—грыжа, отъ которой онъ и скончался. Деликатный къ подчиненнымъ, онъ держалъ себя съ достоинствомъ предъ свѣтскими чинами. Пріѣзжаетъ напримѣръ Карасевскій въ Семинарію или даже Протасовъ. Докладываютъ ему.—„Ну чтожь? Пусть себѣ смотрять“, и самъ не выйдетъ; поневолѣ къ нему зайдутъ властные посѣтители. Мелочей онъ не любилъ,—предоставляя ихъ инспектору, которому давалъ полную власть, пожалуй

и больше надлежащаго. Преемникъ его архимандритъ Христофоръ, поступившій изъ чередныхъ архимандритовъ и бывший ректоръ Волинской Семинаріи, имѣлъ противоположныя свойства. Сначала, около полугода онъ былъ исправляющимъ должность ректора, оставаясь и череднымъ, хотя подписывался: ректоръ. Получивъ утвердительную бумагу, онъ, конечно, очень оскорбился. Мелочный до нельзя, кропотливый и самолюбивый, онъ надоѣдалъ всѣмъ, особенно эконому, своею излишнею придирчивостію, которую развѣ можно извинять его болѣзненностію, часто воображаемою. Странности его (особенно скупость) были причиною множества анекдотовъ, которые распространялись по Семинаріи. Онъ аккуратно ходилъ на классъ догматики, и читалъ уроки по своимъ тетрадкамъ, когда-то давно заготовленнымъ. Ученики скучали его монотоннымъ чтеніемъ. Мнѣ было много хлопотъ при немъ съ ученическими проповѣдями, на которыя онъ имѣлъ свой старинный взглядъ. Впрочемъ, лично я былъ любимъ Христофоромъ, и помимо его странностей, скажу, что это былъ опытный и добрый старикъ, хоть и тяжелый. Какъ давно извѣстный Митрополиту Никанору, онъ назначенъ былъ въ 1850 г. викаріемъ къ нему. Мѣсто его занялъ вызванный по рекомендаціи Карасевского изъ Ярославскихъ ректоровъ архимандритъ Іоанникій. Еще молодой, представительный, онъ сразу произвелъ хорошее впечатлѣніе. Я служилъ съ нимъ только около года, до своего отъѣзда въ Кіевъ; жили мы съ нимъ, можно сказать, братски. Мнительность его и медлительность въ дѣлахъ письменныхъ, особенно по цензурѣ (онъ былъ цензоромъ), ставили ему въ вину. Но съ Іоанникіемъ мы еще встрѣтимся въ Варшавѣ.

Приходитъ мнѣ здѣсь на память одинъ эпизодъ. Бывшій инспекторъ Кіевской Академіи архимандритъ Теофанъ (Авсенева), извѣстный въ свое время ученый профессоръ-философъ, изъявилъ желаніе, по приглашенію, ѣхать въ Римъ для служенія при нашей миссіи. Прибывши въ Петербургъ, онъ остановился по знакомству въ ректорской квартирѣ. Такъ какъ и моя квартира была смежна,—то мы видѣлись съ о. Теофаномъ ежедневно. Мы скоро сблизились, какъ земляки, и я съ удовольствіемъ припоминаю бесѣды этого умнаго мистика, философа и въ монашеской рясѣ. Явившись къ митрополиту Никанору, и облаканный имъ, онъ

отправился къ оберъ-прокурору Протасову. Тотъ, между прочимъ, съ военнымъ апломбомъ настаивалъ на томъ, чтобы о. Теофанъ остригъ волосы и бороду, и ходилъ въ Римъ въ свѣтскомъ платьѣ. Это возмутило о. Теофана,—онъ сталъ доказывать, что извѣстный родъ платьевъ, и вообще внѣшность, есть принадлежность субъекта, и что онъ не согласенъ на предложеніе, и отказывается отъ миссіи. Протасовъ разгнѣвался и нѣсколькими неумѣстными словами оскорбилъ о. Теофана. Является онъ оттуда къ намъ въ Семинарію въ слезахъ. Отъ нервнаго потрясенія у него открылась гортанью кровь. Едва мы убѣдили его на другой день сходить къ митрополиту; тотъ успокоилъ его и обѣщаль уладить дѣло. О. Теофанъ поѣхалъ въ Римъ въ своемъ костюмѣ, и все время до смерти ходилъ въ немъ, съ длинными волосами и бородою. Онъ заслужилъ въ Римѣ общее уваженіе. Такимъ образомъ, о. Теофанъ первый положилъ начало—быть русскимъ архимандритомъ въ Римѣ и по внѣшности. Когда мы съ съ Іоанникіемъ провожали его, и усаживали въ дилижансъ (тогда еще не было желѣзной дороги),—онъ плакалъ сильно,—и говорилъ: не увидимся болѣе,—такъ и случилось; онъ скончался въ Римѣ. Вѣчная память святому труженику! Вѣрный разсказъ мой, думаю, не излишенъ, по своему характеру.

Обращаюсь назадъ, въ Семинарію. Инспекторъ Семинаріи, назначенный сюда изъ только что опредѣленныхъ бакалавровъ Академіи, Александръ Ивановичъ Мишинъ—былъ личностью замѣчательною. Преобразованная во всѣхъ отношеніяхъ С.-Петербургская Семинарія въ 1841 г. требовала инспектора умнаго, съ твердымъ, непреклоннымъ характеромъ. Такимъ и оказался Мишинъ. Какъ профессоръ Логики и Психологіи, онъ отлично преподавалъ свой предметъ, занимательно и пріятно, по временамъ съ шутками и анекдотами; какъ инспекторъ онъ послѣ класса являлся строгимъ начальникомъ. Можно сказать, онъ все время бытности своей (до 1858 г.) до перехода въ Академію ординарнымъ профессоромъ, держалъ въ рукахъ Семинарію. Аккуратность его была образцовая. Къ сожалѣнію, въ душѣ онъ былъ вольнодумцемъ. Но этого, за исключеніемъ весьма немногихъ, никто, тѣмъ болѣе изъ учениковъ, не зналъ. Умеръ онъ, какъ мнѣ послѣ передавалъ духовникъ его священникъ А. Гуми-

левскій, вѣрующимъ. Какъ помощникъ его по инспекціи и землякъ по происхожденію, я близко стоялъ къ Мишину, и зналъ его лучше другихъ; однакожь только по нѣкоторымъ проявленіямъ замѣчалъ о направленіи религіозномъ, которое впрочемъ нисколько не вредило направленію учениковъ; ибо Мишинъ до точности по формѣ исполнялъ религіозные обряды. Много имѣлъ онъ и непріятностей, особенно отъ преосвященнаго Аванасія; но твердость его и умъ препобѣдили всѣ козни. Къ монашеству его побуждали власти духовныя; но тщетно; онъ остался непреклоненъ, хотя и не женился, и умеръ холостякомъ. Распространился я о Мишинѣ, потому что онъ имѣлъ огромное вліяніе на Семинарію; на его плечахъ, можно сказать, лежала она при частой перемѣнѣ ректоровъ. И потому можно было поучиться у Мишина въ практической жизни.

Изъ другихъ сослуживцевъ моихъ при первоначальномъ моемъ служеніи въ Семинаріи остались въ живыхъ, кажется, только двое,—это Троицкій, который донинѣ экономствуетъ, и П. И. Саввенковъ, давно оставившій Семинарію, извѣстный археологъ. Время давнее! Воспоинается оно съ удовольствіемъ и по занятіямъ и по моимъ отношеніямъ къ сослуживцамъ и воспитанникамъ.

Назначеніе меня въ Кіевъ и пребываніе въ немъ.

Пришло время мнѣ разстаться съ С.-Петербургскою Семинаріею. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1851 г. я назначенъ былъ инспекторомъ Кіевской Семинаріи, хотя по распоряженію начальства продолжалъ занятія до половины Апрѣля; велѣно было мнѣ докончить лекціи. О Кіевѣ я и не думалъ, принадлежа къ Петербургскому учебному округу. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. На чредѣ состоялъ въ 1850 г. ректоръ Кіевской Семинаріи архимандритъ Антоній, родной племянникъ Кіевского Митрополита Филарета. Онъ познакомился со мною, и нерѣдко мы бесѣдовали о разныхъ разностяхъ. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ рекомендовалъ меня Митрополиту, и выразилъ желаніе, чтобы я служилъ въ Кіевѣ. Мнѣ же однако онъ не говорилъ въ Петербургѣ ни слова о томъ. Митрополитъ Филаретъ писалъ графу Прота-

сову два раза о мнѣ,—и вотъ я назначенъ. Когда я къ Протасову явился проститься, онъ сказалъ: „Жаль отпускать Васъ, но мы васъ вспомнимъ“. Митрополитъ Никаноръ былъ недоволенъ, что Кіевскій съ нимъ не списался, и думалъ, какъ высказался, что я самъ просился. Я долженъ былъ объяснить, что рѣшительно не просилъ никого о перемѣщеніи, и что все несомнѣнно архимандритъ Антоній устроилъ это помимо моего вѣдома. Митрополитъ Никаноръ отечески благословилъ меня, и пожелалъ успѣховъ. Это была личность высокая по своему характеру; всегда любезный, благожелательный, онъ особенно любилъ ученыхъ монаховъ. Тонкій дипломатъ, онъ съ честію держалъ кормило правленія и по Синоду и по Епархіи. Несмотря на сильное могущество Протасова, онъ умѣлъ сдерживать его порывы, и отстаивать свои убѣжденія—весьма искусно. Память его во благихъ.

1851 годъ.

Выѣхалъ я изъ С.-Петербурга Апрѣля 17-го или 21-го, хорошенько не помню. Могу сказать,—меня провожали до станціи „Четырехъ рукъ“ почти цѣлою депутаціею во главѣ съ ректоромъ архимандритомъ Іоанникіемъ. Тогда еще не было желѣзной дороги, и я потянулся въ тарантасъ на перекладныхъ до Москвы и далѣе. При моемъ отправленіи А. И. Карасевскій далъ мнѣ два какихъ-то важныхъ пакета для врученія Московскому Митрополиту Филарету. Когда я имѣлъ ему представиться (не лишнимъ считаю записать фактъ) и уже былъ въ прихожей, является пріѣхавшій на четвергѣ цугомъ Симоновскій архимандритъ Аполлоній, знакомый мнѣ по чредѣ въ Петербургѣ,—тоже въ первый разъ представляться. Онъ назначенъ былъ настоятелемъ Симонова монастыря (помимо Филарета) изъ ректоровъ Нижегородской Семинаріи. Свидѣвшись съ о. Аполлоніемъ въ прихожей,—я говорю ему: „Снимите свои окуляры, вѣдь неловко такъ являться Митрополиту въ первый разъ“. Онъ не послушался. Вдругъ зовутъ насъ въ кабинетъ. Я сдѣлалъ Митрополиту приличный поклонъ, о. Аполлоній склонилъ голову недостаточно. „Садитесь“, говоритъ Филаретъ указывая мѣста.—Я передалъ привезенные пакеты. — Владыка обращается къ Аполлонію: „Давно ли прибыли?“— „Позавчера, Ваше Высоко-

преосвященство— „Ну чтожь Вы нашли въ монастырѣ?“— „Худо очень, разстроено“.— „Такъ скоро Вы уже все усмотрѣли? До Васъ былъ настоятель умный, хорошій. А глаза гдѣ Вы успѣли потерять?“— „Въ Нижегородской Семинаріи, строилъ ее“.— „Не удивляюсь, можно и въ Семинаріи глаза потерять. Ну, съ Богомъ; а Вы“, обращаясь ко мнѣ, сказалъ, „останьтесь“. Довольно долго говорилъ со мною Владыка, велѣлъ осмотрѣть Московскую Семинарію, и возвратиться къ нему; онъ оставилъ меня обѣдать. Какая честь для молодого монаха! Какъ не вспомнить о томъ съ удовольствіемъ?

Въ Кіевъ богоспасаемый прибылъ я 4-го Мая 1851 г. На другой же день я отправился къ Митрополиту Филарету въ Голосѣево, гдѣ онъ обыкновенно живаль лѣтомъ. Старець принялъ меня любезно, ласково, отечески. Сдѣлавши нѣсколько вопросовъ, и замѣтивъ, что онъ давно ждетъ меня, Владыка сказалъ: „Ну что у васъ въ Петербургѣ? Болото. Посмотри-ка, вѣдь у меня рай пустынка“,—и самъ съ маленькимъ костьюлемъ, въ подрясникѣ и скуфейкѣ, показывалъ мнѣ садъ. Конечно, я былъ въ восторгѣ отъ такого приѣма.

На первыхъ порахъ въ Кіевѣ за исключеніемъ о. Антонія, который уже ректорствовалъ въ Академіи, мнѣ никого не было знакомаго изъ служащихъ. Я одинъ оказался изъ Петербургской Академіи, и какъ бы всѣмъ чужой. На меня смотрѣли во всѣ глаза. Впрочемъ я скоро ознакомился, и все пошло ладно, обычною колеєю. Кіевская Семинарія оказалась распущенной по части инспекціи; мой предметникъ о. архимандритъ Нектарій, сдѣлавшійся здѣсь же ректоромъ, немного занимался инспекціею, и не по характеру она ему приходилась. Пришлось подтягивать семинаристовъ; а это очень не легко. Приложить Петербургскіе порядки къ Кіевской Семинаріи вполнѣ не было возможности; ибо большая часть учениковъ жила на квартирахъ, разбросанныхъ по разнымъ частямъ города. Правда, на такъ называемомъ Подолѣ сосредоточивалась бѣльшая часть квартиръ, но обычай давній—въ домахъ профессоровъ Академіи и учителей Семинаріи занимать квартиры—затруднялъ немало надлежащій надзоръ за учениками. Протекція хозяевъ нерѣдко влекла за собою непріятныя послѣдствія, и нужно было мужество, чтобы инспектору и его помощникамъ соблюдать строгую справедливость. Впрочемъ, я не испытывалъ отъ учениковъ

неповиновеніи и грубости,—и новое настроеніе скоро привилось, хотя шалостей встрѣчалось довольно, какъ и вездѣ. Профессоромъ богословія былъ я во 2-мъ отдѣленіи, и успѣхами учениковъ по своимъ предметамъ оставался доволенъ. Съ о. Нектаріемъ жили мы дружно, хотя частенько онъ поставлялъ меня въ затрудненіе. По нѣскольکو дней, бывало, его не видишь, и не добьешься до него; ибо запирался въ кабинетъ почему-то. Случалось въ экстренныхъ обстоятельствахъ поневолѣ превышать власть въ распоряженіяхъ. Впрочемъ, изъ-за этого у насъ ссоръ не выходило. и братскія отношенія не прерывались. Ректоръ жилъ въ отдѣльномъ домѣ на Семинарскомъ же дворѣ, я въ главномъ ученическомъ корпусѣ; тутъ же занимали квартиры профессора о.о. Петръ (въ послѣдствіи Епископъ Аккерманскій) и Платонъ, мой помощникъ по корпусу (въ послѣдствіи Епископъ Томскій). Мы трое и столъ имѣли вмѣстѣ. О. Платонъ хозяйничалъ, и бывало, сердился, когда хотъ шуткою замѣтишь, что вѣдь кушанье плохо. Оба они были очень дѣльные наставники, хотя о. Петръ обыкновенно запаздывалъ на урокъ, а послѣ передерживалъ полчаса и болѣе учениковъ, и производилъ замѣшательство въ урокахъ. Инымъ, правда, это было на руку, напримѣръ протоіерею Смолодовичу лѣнивому; онъ и радъ отпустить классъ, или полчаса отдѣлаться. Ректоръ имѣлъ въ своемъ владѣніи Никольскій монастырь и обыкновенно служилъ въ немъ въ праздничные и воскресные дни, рѣдко въ Семинарской церкви, гдѣ обыкновенно служилъ я—или соборомъ, или одинъ. О. Петръ по обычаю запаздывалъ, и придетъ уже когда окончатся часы, а иногда и на первой ектеніи, и гнѣвается, что начали безъ него, однако, облачится и станетъ служить съ нами. Семинарскій хоръ отличался хорошими голосами и пѣлъ очень хорошо. Регентъ Крыжановскій, какъ умѣлый, поступилъ потомъ регентомъ въ митрополичій хоръ.

Кіевская Академія.

Въ Кіевской Семинаріи я служилъ недолго.—годъ съ мѣсяцами. Въ 1853 г. назначенъ я инспекторомъ и экстраординарнымъ профессоромъ Академіи. Въ санъ архимандрита я посвященъ еще до перехода въ Академію, высокопреосвя-

щеннымъ Митрополитомъ Филаретомъ. Назначеніе меня прямо экстраординарнымъ профессоромъ Академіи, помимо бакалаврства, возбудило удивленіе въ ученой корпораціи. Какъ я послѣ узналъ, покойный Архіепископъ Херсонскій Иннокентій, присутствовавшій тогда въ Св. Синодѣ, писалъ ректору Академіи архимандриту Антонію, „что Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ даже болѣе, чѣмъ было представлено отъ васъ, такъ какъ Леонтій ему извѣстенъ“. Вотъ и разгадка недоумѣніямъ! Академическое Правленіе представило Митрополиту Филарету двухъ кандидатовъ на должности инспектора, меня и бакалавра Іоанникія (нынѣ Митрополитъ Московскій); но митрополитъ Филаретъ на докладѣ Правленія написалъ: „Представить Св. Синоду Леонтія, какъ старшаго по службѣ“. Назначеніе мое, конечно, было не по вкусу Іоанникію и его нѣкоторымъ сослуживцамъ.

Переходъ мой на службу въ Академію былъ важною для меня эпохою, послѣ семинарской службы, на которой трудно сосредоточиться, при разнообразныхъ, и притомъ мелочныхъ занятіяхъ. Я радовался, что могу теперь заниматься наукою серьезно и буду дѣло имѣть уже со студентами, а не съ учениками. Предмѣстникъ мой архимандритъ Даніиль, назначенный ректоромъ Екатеринославской Семинаріи (скончавшійся отъ холеры въ Екатеринославѣ), аскетъ по жизни, держалъ себя странно, по временамъ просто юродствовалъ, и при немъ инспекція упала. Нужно было поставить ее правильно. Но сразу круто поворотить я считалъ неблаго-разумнымъ; и потому на первыхъ же порахъ позвавши всѣхъ *старшихъ* къ себѣ на чай, высказалъ имъ что нужнымъ находилъ, и взялъ съ нихъ слово наблюдать за порядкомъ такъ, чтобы оканчивающіе курсъ не выходили изъ правилъ приличія, самъ обѣщая—не вводитъ пока новыхъ порядковъ до слѣдующаго курса. Студенты слово сдержали. Это былъ курсъ хорошій, даровитый 1853 г. Первымъ окончилъ И. И. Машковскій, нынѣ извѣстный профессоръ исторіи. Изъ этого курса вышло много архіереевъ, напр. Михаилъ Митрополитъ Сербскій, Павелъ—Саратовскій (Вильчинскій), Евгений—Астраханскій, Владиміръ—Ставропольскій, Модестъ—Нижегородскій и др. Съ новаго курса начались и порядки, какія приходилось улучшить. Впрочемъ, за нѣкоторыми исключеніями, студенты вели себя весьма хорошо, и вообще отли-

чались религіознымъ направлеиіемъ. О вольнодумствѣ и легкомысленной фанаберіи и рѣчи не было. Трудновато иногда становилось улаживать иностранцевъ—Сербовъ, Болгарь, Грековъ и уніатовъ. Постоянныя ихъ взаимныя ссоры и притязательность—не мало причиняли мнѣ хлопотъ. Лучшими изъ нихъ были—Михаиль (Милой Іоанновичъ) и Стокновъ, который съ фамилією Бурмовъ работалъ въ Болгаріи министромъ финансовъ. Сербъ—Васильевичъ мало занимался и любилъ рисоваться, щеголять; однакожъ занималъ долгое время и опять нынѣ занимаетъ постъ министра народнаго просвѣщенія въ Сербіи.—Вообще, въ Академіи господствовалъ добрый, христіанскій духъ. Изъ студентовъ и мальчиковъ училищныхъ состоялъ хоръ пѣвчихъ прекрасный. Извѣстный В. И. Аскоченскій, бывшій довольно долго безъ мѣста, нѣкоторое время заправлялъ хоромъ; а послѣ—студентъ Чумичевскій, замѣчательный теноръ (нынѣ д. с. с., служить по Государственному Контролю). На богослуженія въ Братскій монастырь собиралась лучшая публика въ большомъ количествѣ, чтобы послушать пѣвчихъ.

Помощниками моими по инспекціи были—іеромонахъ Іоанникій и Добротворскій бакалавръ, а по выходѣ его въ Харьковскій Университетъ профессоромъ богословія, іеромонахъ Филаретъ, бакалавръ по Св. Писанію. Іоанникій, сдѣлавшись архимандритомъ, оставилъ должность помощника, къ моему удовольствію; ибо не сходились мы съ нимъ нерѣдко во взглядахъ. Мѣсто его занялъ бакалавръ по философіи П. Юркевичъ. Онъ и Филаретъ служили со мною до самаго моего отъѣзда изъ Кіева. Распространяюсь здѣсь нѣсколько о Филаретѣ († еп. Рижскій). Еще въ Воронежской Семинаріи онъ близокъ былъ ко мнѣ, и руководился моими совѣтами и наставленіями. Очень даровитый, онъ пользовался авторитетомъ уже въ среднемъ отдѣленіи, и велъ со мною переписку, когда я учился въ С.-Петербургской Академіи. Пріѣхавши въ Кіевъ я засталъ Михаила Прокофьевича Филаретова оканчивающимъ курсъ (1851 г.).—Пріятно было встрѣтиться намъ. По окончаніи курса онъ оставленъ бакалавромъ, какъ первый магистръ, и сначала былъ свѣтскимъ. Къ монашеству я его склонилъ не безъ труда. Его постригаль о. Антоній въ ближнихъ пещерахъ Лавры; подводили къ постригу я и блаженной памяти іеросхимонахъ Пареній,

духовникъ Митрополита. Имя ему придумали мы съ о. Антоніемъ ѣдучи дорогой въ Лавру; и вотъ вышелъ изъ Михаила Прокофьевича Филаретова іеромонахъ Филаретъ. Съ сильнымъ умомъ, твердымъ характеромъ и вполне ученымъ образованіемъ,—онъ много превосходилъ Іоанникія. Въ послѣдствіи это былъ приснопамятный для Академіи Кіевской ректоръ. Къ сожалѣнію ходъ его задержала гордость, или лучше сказать, упорство и неблагоразумное отношеніе къ Митрополиту Арсенію. Какъ рижскій Епископъ онъ займетъ должное мѣсто въ исторіи, какъ борець за убѣжденія. Какъ помощникъ инспектора, въ свое время Филаретъ аккуратен и строго относился къ своей обязанности, Юркевичъ болѣе пользовался авторитетомъ у студентомъ какъ умный бакалавръ, а по части субъ-инспекторства полѣнчивался.—Іоанникія не любили студенты за сухость,—нѣкое ехидство и хитрость.

Я преподавалъ студентамъ старшаго курса нравственное богословіе и пастырское—по своему плану. Лекціями моего предмѣстника я не могъ воспользоваться; не подходили онѣ подъ мой взглядъ. Планъ мой былъ такой: часть предварительная—о жизни,—силахъ и дѣятельности естественнаго человѣка и въ періодъ подзаконный. Затѣмъ 1-я часть нравственнаго богословія, существенная: а) о началѣ христіанской жизни и б) началѣ христіанской дѣятельности. 2-я часть о проявленіяхъ главнаго начала христіанской дѣятельности—любви въ отношеніи къ Богу, намъ самимъ и къ ближнимъ. Очень сожалѣю, что я въ свое время не успѣлъ лекцій своихъ обработать и напечатать. Всѣ наши учебники по нравственному богословію страдаютъ формальностію сухою, на манеръ латинскихъ и французскихъ. Нѣмецкія этики глубже разсматриваютъ дѣло, хотя конечно въ своемъ духѣ, въ частностяхъ противномъ православному, аскетической морали. Приходилось мнѣ на экзаменахъ отстаивать свою систему, и входить въ споры.

О. Ректоръ Архимандритъ Антоній преподавалъ Догматическое богословіе по своему же руководству съ добавленіями, основательно, книжно и обстоятельно,—но скучновато, конечно какъ отзывались слушатели. Онъ не владѣлъ даромъ импровизаціи,—и въ широтѣ взгляда, въ занимательности и живости изложенія далеко не могъ равняться съ

своимъ предмѣстникомъ знаменитымъ профессоромъ Димитріемъ (Муретовымъ). За то какъ ректоръ-администраторъ превосходилъ его. При Антоніѣ порядокъ въ Академіи во всѣхъ отношеніяхъ соблюдался строго и стройно. Отношенія его къ преподавателямъ и студентамъ отзывались сердечностію и близостію. Не доставало тогда Антонію спокойнаго отношенія къ дѣлу, а частенько и постоянства въ характерѣ. За то, при своемъ горячемъ характерѣ, онъ умѣлъ себя сдерживать, и не былъ мстителемъ. Какъ аскетъ по духу, онъ пользовался истиннымъ уваженіемъ. Можно было упрекнуть его и въ нѣкоторомъ пристрастіи къ извѣстнымъ лицамъ и довѣрчивости людямъ не совсемъ благонамѣреннымъ; но напрасно называли его нѣкоторые могущественнымъ деспотомъ даже въ Епархіи. Онъ вмѣшивался и въ дѣла епархіальныхъ какъ членъ Консисторіи, имѣлъ большое вліяніе и довѣріе полное у Митрополита Филарета какъ родной племянникъ; но не злоупотреблялъ своею силою и вліяніемъ. Другой на его мѣстѣ могъ бы много дѣлать неприятностей другимъ—не на словахъ только. Мнѣ частенько приходилось имѣть столкновенія съ ректоромъ и входить въ пререканія,—однако все они оканчивались миромъ и не оставляли послѣ себя горечи. Ученое самолюбіе и вообще самомнѣніе Антонія вредило ему много въ послѣдствіи, а выслуживающіеся личности раздували непохвальную страсть. Я рѣшился прямо высказывать иногда правду въ глаза, на что не рѣшались другіе; но пользы отъ того не выходило. Привожу фактъ. Извѣстно, что Догматическое Богословіе Антонія, за которое онъ получилъ степень доктора, введено было въ руководство для Семинаріи. Пересмотръ книги для втораго изданія поручень было Святѣйшимъ Синодомъ присутствовавшему въ немъ члену архіепископу Казанскому Григорію. Онъ написалъ довольно замѣчаній, которыя и были препровождены въ Кіевъ на имя Митрополита Филарета для сообщенія Антонію съ тѣмъ, чтобы онъ исправилъ замѣченное. Антоній оскорбился критикою, и написалъ оправданіе своихъ мыслей и выраженій въ видѣ антикритики, болѣе 10 листовъ. Какъ-то вечеромъ онъ прочиталъ мнѣ свою толстую тетрадь. Выслушавъ я сказалъ: „Очень рѣзко Вы написали, о. ректоръ; тонъ изложенія Вашего можетъ повредить Вамъ, сгладьте мѣста рѣзкія,—лучше будетъ“. Онъ не согла-

спился, и такъ какъ это было наканунѣ субботы, то онъ и отдалъ мнѣ свою антикритику съ представленіемъ отъ лица Митрополита въ Св. Синодѣ. По субботамъ обыкновенно я ѣздилъ съ ректоромъ къ Митрополиту, и если случались къ тому времени правленскіе журналы—я бралъ ихъ съ собою для утвержденія. Привожу я съ журналами и рапортомъ и врученное мнѣ сочиненіе ректора. Доложивъ рапортъ и журналы,—я говорю: „Вотъ еще важная бумага—это проектъ рапорта въ Синодъ съ приложеніемъ отзыва о. Антонія на замѣчанія архіепископа Григорія Казанскаго“.—„Давай рапортъ“, и тутъ же подписалъ его Митрополитъ (вѣроятно и отзывъ читалъ онъ прежде). Я говорю: „Владыко, простите меня, если скажу, что отзывъ о. ректора очень рѣзко написанъ,—не повредилъ бы ему“.—„Ну что ты толкуешь? Въдъ догматика-то моя, Антоній только перевелъ ее съ латинскаго съ дополненіями, которыя знаю я“. На другой или третій день послалъ рапортъ съ отзывомъ въ Петербургъ. Когда Григорій прочиталъ отзывъ, крайне разгнѣвался, и какъ передавали, поднялъ бурю въ Синодѣ. Репутація Антонія пострадала, и надолго замедлила его архіерейство. Уже по смерти митрополита Филарета, и то по ходатайству Московскаго митрополита Филарета, Св. Синодъ удостоилъ Антонія быть викаріемъ Кіевскимъ. Григорій, тогда уже (1858 г.) митрополитъ Петербургскій, не захотѣлъ вызывать его въ Петербургъ для посвященія, и Антоній хиротонисанъ въ Кіевѣ Евсеіемъ Епископомъ Подольскимъ и Стефаномъ (Ковачевичемъ), выходцемъ болгаринномъ, жившимъ временно въ Лаврѣ. Вышла хиротонія мизерная, можно сказать, по обстановкѣ. Распространился я объ этомъ, чтобы объяснить причину, по крайней мѣрѣ первоначальную, неблаговоленія Синода къ Антонію, и показать, къ чему ведетъ духовная гордость—и добраго по сердцу человѣка.—Скончался Антоній Архіепископъ Казанскій и много перенесъ непріятностей въ Казани. Вѣчная ему память!

Митрополитъ Филаретъ.

Не могу безъ особеннаго благоговѣйнаго почитанія не сказать нѣсколько словъ о великомъ старцѣ Митрополитѣ Филаретѣ—въ частности. Это былъ истинный архинастырь отецъ—

для Кіевской епархіи и для монашествующихъ. Во все время бытности его Митрополитомъ какъ бы вѣяла благодать въ Кіевѣ, и особенно въ Лаврѣ, гдѣ все время процвѣтали подвижники, напримѣръ о. Пареній. Простой въ обращеніи, но полный духовной мудрости и опытности, онъ имѣлъ неотразимое вліяніе на тѣхъ, кто соприкасался съ нимъ. Служилъ онъ часто, и любилъ проповѣдывать экспромтомъ, пока доктора не воспретили ему говорить по слабости груди. Народъ льнулъ къ нему, какъ къ святому. Въ великій постъ въ среды и пятки онъ служилъ больше въ пещерныхъ церквахъ, и приглашалъ меня весьма часто служить съ собою и послѣ съ нимъ обѣдать. Разъ я сказалъ: „Владыко! у меня по средамъ и пятницамъ классы“.—„Ну вотъ еще,—перемѣни классы; я люблю съ тобой служить“. Незабвенны для меня слова эти!

На экзамены въ Академіи (окончательные) Владыка Филаретъ пріѣзжалъ аккуратно и по Богословію обнаруживалъ познанія обширныя и глубокія; отцовъ Церкви цитовалъ наизусть много. Философіи онъ не подлюбивалъ и подсмѣивался надъ мнѣніями древнихъ философовъ. Студентомъ при немъ отвѣчать было легко. Послѣ испытанія онъ заходилъ и къ ректору и ко мнѣ на закуску. Въ Семинарію онъ пріѣзжалъ только разъ въ годъ на общее, такъ называемое, публичное испытаніе. Читалась тогда еще и Медицина; преподавалъ ее докторъ (онъ же академической и владычній врачъ) извѣстный Целехинъ, любившій поддѣлываться къ Митрополиту. Пла рѣчь, помнится, по гигиенѣ, и ученикъ по запискамъ доказывалъ, что послѣ обѣда спать вредно для здоровья. Владыка, выслушавши тираду, сказалъ: „А я вотъ люблю послѣ обѣда соснуть часикъ,—и не нахожу вреда“. Палехинъ съ улыбкою на губахъ отвѣчаетъ: „Всякая скотина, Ваше Высокопреосвященство, послѣ ѣды отдыхаетъ“.—„У—дуракъ“, на это замѣтилъ Митрополитъ,—и вышелъ глупо, смѣшно. Публика расхохоталась, хотя не громко,—изъ почтенія къ Владыкѣ. Такъ иногда желаніе подслужиться роняетъ человѣка.

Митрополитъ Филаретъ любилъ ученыхъ монаховъ и въ праздники нарочитые приглашалъ всѣхъ къ обѣду. Добрѣйшій старецъ словоохотливо обращался то къ тому, то другому съ вопросами, и самъ рассказывалъ, бывало, случаи

изъ своей жизни въ назиданіи намъ молодымъ служакамъ. Часто онъ повторялъ: „Пора мнѣ уже въ путь всея земли. Вотъ только молю Бога, чтобы не допустилъ быть моимъ преемникомъ Иннокентія (Херсонскаго). Онъ тутъ все перепортилъ, и деньги растратилъ на затѣи—разныя“. И случилось такъ, что Иннокентій скончался ранѣе Филарета 8-ью мѣсяцами. Однажды преосвященный Иннокентій проѣздомъ въ Петербургъ для засѣданій въ Св. Синодѣ (кажется 1852 г.) остановился въ Кіевѣ, къ общей радости нашей. Владыка Филаретъ дѣлалъ по этому случаю парадный обѣдъ, на которомъ были и вся ученая братія. Иннокентій запоздалъ прибытіемъ къ обѣду, засидѣвшись у генераль-губернатора. И Владыка, сказавши: „Семеро одного не ждутъ“—велѣлъ садиться за столомъ. Только сѣли мы, — черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжаетъ Иннокентій, и извиняется за опозданіе. „А мы вотъ ждали Васъ, ждали, да и сѣли. Садитесь-ка скорѣе“. Пошли бесѣды живыя; Иннокентій, какъ большой мастеръ говорить, живописно изображалъ природу Крымскаго полуострова, расхваливалъ устрояемые имъ скиты и пещеры, и увлекся мечтами о ихъ насельникахъ, которыхъ и не было еще. Митрополитъ Филаретъ долго слушалъ молча, улыбаясь. Наконецъ, когда замолкъ Иннокентій, Владыка началъ говорить: „Все это прекрасно; но вѣдь Вы сочиняете скиты для отшельниковъ,—да гдѣ же они? Вѣдь скиты и пещеры основывались самими подвижниками, ихъ святые подвиги привлекали сожителей, и устанавливались уставы. Трудомъ и слезами устраивалось скитское подвижничество; а Вы хотите навязать его другимъ, которыхъ еще нѣтъ, кромѣ двухъ-трехъ, и то не надежныхъ. Вотъ Кіевскія пещеры развѣ такъ основывались, какъ Ваше Высокопреосвященство предполагаете основать? Нѣтъ. Антоній и Феодосій преподобные своими претрудными, потовыми подвигами привлекли сюда благословеніе Божіе и благодать,—и вотъ сколько вѣковъ существуютъ пещеры, и сколько подвижниковъ образовали онѣ!“ Назидательна была бесѣда опытнаго Старца! И дѣйствительно—планы Иннокентія о скитахъ Крымскихъ—не исполнились,—хороши они были въ воображеніи. Между прочимъ, въ концѣ обѣда Митрополитъ Филаретъ началъ расхваливать насъ—монаховъ, и сказалъ—вотъ это вѣдь все будущее архіерее; и такъ исполнилось.

Когда мы всё in corpore представлялись въ залѣ о. Намѣстника Лавры Иннокентію,—онъ долго бесѣдовалъ съ нами о разныхъ предметахъ болѣе научныхъ. Превосходно онъ говорилъ, и легко было понять,—почему онъ увлекалъ всѣхъ прежде своими лекціями и проповѣдями. Это ораторъ въ собственномъ смыслѣ.

Въ наше время генераль-губернаторомъ Кіевскимъ былъ извѣстный Д. Г. Бибииковъ, при замѣчательныхъ своихъ административныхъ способностяхъ, имѣвшій свои слабости. Митрополитъ не долюбивалъ его за фривольство, — и прямо высказывалъ ему въ глаза горькія вещи, — что хоть и сердило Бибиикова, а все таки заставляло быть осторожнѣе. Бибииковъ — это была гроза для поляковъ и жидовъ: при немъ въ Кіевѣ ни одинъ жидъ не могъ имѣть жительства, а нынѣ тамъ цѣлые кварталы — ихъ. Заговорилъ я о немъ по ассоціаціи идей.

Ревизія въ Воронежской Семинаріи.

Въ 1854 г. изъ Кіева ѣздилъ на ревизію Воронежской Семинаріи, родной мѣ, и Духовнаго училища, какъ инспекторъ Академіи и членъ Конференціи. Двѣ недѣли я прожилъ въ Воронежѣ. Не много прошло времени съ той поры, какъ я учился тамъ, а я нашелъ много перемѣны, и не къ лучшему. Много значить тактъ въ начальникахъ учебныхъ заведеній. Ректоръ въ заведеніи—тоже, что регентъ въ хорѣ; плохой регентъ и при хорошихъ голосахъ пѣвчихъ, не сможетъ спѣть концерта, напримѣръ какъ желательно понимающимъ церковную музыку. Я засталъ въ 1854 г. въ Воронежской Семинаріи ректоромъ архимандрита Иларіона. Онъ былъ безхарактерный и не высокаго полета по уму, хотя назначенъ изъ и. д. инспектора Московской Академіи. Авторитетомъ въ Семинаріи онъ пользовался,—а затѣмъ и уваженіемъ. Инспекторомъ числился архимандритъ Аѳанасій—съ познаніями для должности профессора, по какой-то растерянный. Я сказалъ: „числился“—не безъ значенія; онъ на дѣлѣ вовсе не смотрѣлъ за учениками, и мѣстный преосвященный Іоасафъ худо о немъ отзывался; и послужилъ причиною увольненія его отъ мѣста. Не такъ давно онъ скончался въ Задонскомъ монастырѣ на покоѣ въ положеніи, можно сказать, несчаст-

номъ въ нравственномъ отношеніи. По довѣрію преосвященнаго въ Семинаріи былъ выдающимся лицомъ Соборный іеромонахъ Наѳанаилъ (нынѣ Епископъ Архангельскій), но и онъ избаловался излишнимъ довѣріемъ Архіерея, и долженъ былъ получить перемѣщеніе въ Орловскую Семинарію. Наставниковъ много было дѣятельныхъ; но отъ безхарактерности ректора читали и дѣйствовали врозь. Учениковъ я нашелъ много даровитыхъ, но вообще съ познаніями поверхностными, а вообще по внѣшности мало соответствующими идеалу семинариста, какъ духовнаго воспитанника. Я поскорбѣлъ, что Семинарія идетъ къ упадку. Преосвященный Іосифъ (доселѣ здравствующій на покоѣ въ Митрофановомъ монастырѣ старецъ) былъ строгъ и взыскателенъ; но онъ самъ еще всматривался тогда въ Епархію. Ревизію я воспользовался для посѣщенія своего родного села—слободы Новой Калитвы, гдѣ помолился на гробъ дѣда и отца. По пути осмотрѣлъ Павловское духовное училище, побывавши въ Курскомъ училищѣ, посѣтивъ Харьковъ и Полтаву съ Переяславлемъ, я возвратился въ Кіевъ. По моему отчету сдѣланы нужныя распоряженія. Эпизодъ сей, хотя прямо не относится къ замѣткамъ о Кіевской Академіи,—но, какъ памятный для меня по службѣ въ Кіевѣ, и заносится сюда въ лѣтопись.

Въ Академіи служилъ я до 1-го іюля 1856 г. и воспоминаю о ней съ любовью. Хорошее было время. Изъ своихъ сослуживцевъ свѣтскихъ съ удовольствіемъ припоминаю старика, уже тогда ветерана, профессора Греминова, Подгурскаго, молодыхъ еще Пospѣхова, Фаворова, священника Колосова и др.

Назначеніе меня ректоромъ Владимірской Семинаріи было и для меня и для другихъ неожиданно. Я предполагалъ, что оно сдѣлано по желанію Владыки Митрополита и ректора. Оказалось не такъ; ни тотъ, ни другой въ немъ не участвовали. А Митрополитъ Никаноръ самъ избралъ меня во Владимірскую, какъ свою родную, Семинарію. Не безъ скорби разставался я съ Кіевской Академіей и съ Кіевомъ. Прощанье мое со студентами въ залѣ (послѣ экзаменовъ) было трогательное, какъ и съ академической корпораціей во главѣ съ ректоромъ, которая проводила меня верстъ за десять до лѣса, гдѣ было устроено братское учрежденіе.

Могу сказать, что я пользовался общею любовью. Владыка Филаретъ напутствовалъ меня отечески, препоясавъ прекраснымъ поясомъ. „Жаль мнѣ тебя, о. Леонтій“, говорилъ онъ, „я имѣлъ на тебя другіе виды, распорядились безъ меня. Не измѣняй своего характера, и тебя спасутъ угодники Божіи“. Я прослезился, твердо вѣруя въ силу благословенія святаго старца.

Леонтій, Митрополитъ Московскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
